

RU

Выражение категории темпоральности лексическими и синтаксическими средствами чувашского языка

Семенова Г. Н., Данилов А. А., Якимова Н. И., Скворцова Н. Р.

Аннотация. Цель настоящего исследования – выявить потенциал лексических и синтаксических средств выражения категории темпоральности в чувашском языке. Научная новизна работы заключается в подробном анализе как традиционных, так и нетипичных случаев выражения временных значений в контексте, поскольку специальные исследования по данной теме в чувашеведении ранее не проводились. В статье впервые установлено, что многие фразеологизированные конструкции, пословицы и поговорки, а также некоторые личные имена являются выразителями временных отношений, трансляторами этнокультуры, так как преобладающее в них коннотативное значение отражает особое видение мира, отдельных жизненных ситуаций носителями языка. Полученные результаты показали, что временная концептуализация в чувашском языке имеет свои национальные особенности. Временной индикатор является неотъемлемой характеристикой нашего существования и, преломляясь сквозь призму сознания человека (автора, персонажа, читателя), находит свое выражение в тексте.

EN

Expression of the category of temporality through lexical and syntactic means in the Chuvash language

Semenova G. N., Danilov A. A., Yakimova N. I., Skvortsova N. R.

Abstract. The research aims to identify the potential of lexical and syntactic means for expressing the category of temporality in the Chuvash language. The scientific novelty of the research lies in carrying out a detailed analysis of both traditional and atypical cases of expressing temporal meanings in context, as no specific research on this topic has been conducted in Chuvash studies before. The paper is the first to establish that many phraseologised constructions, proverbs and sayings, as well as certain proper names serve as expressions of temporal relations and transmit ethnocultural information, as their prevailing connotative meaning reflects the native speakers' particular worldview and view of specific life situations. The research findings demonstrate that the temporal conceptualisation in the Chuvash language has its own national characteristics. The temporal indicator is an integral characteristic of our existence and, being interpreted through the lens of human consciousness (of the author, character, reader), finds its expression in the text.

Введение

Предметом исследования в данной статье являются особенности взаимодействия лексических и синтаксических средств репрезентации категории темпоральности в чувашском языке. В настоящее время проблема исследования стандартных и нестандартных средств репрезентации времени в современном тексте становится все более актуальной. Исследователи ставят в центр внимания средства, с помощью которых передаются время и временные отношения, способствующие формированию смысловой и структурной целостности текста. Необходимость специального изучения данной темы была связана с тем, что появление в чувашском языкознании двухтомного толкового словаря фразеологизмов, включающего экспрессивно-стилистические и эмоционально-экспрессивные фраземы языка, послужило стимулом для исследований национальных особенностей репрезентации большинства категорий, в частности категории времени. В данном источнике в основном нашли отражение примеры из художественной литературы, фольклора, народной разговорной речи, мифологии и истории народных праздников и обрядов и т. д.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости представления культурно-эстетических и национально-специфических возможностей языка как лексико-синтаксическими, так и неграмматическими средствами фразеологического фонда чувашского языка, освещающего вопросы темпоральности и расширяющего горизонты лингвокультурологических исследований, по степени важности и значимости выходящих

в современной науке о языке на первый план. Изучение национальной фразеологии служит также лучшему восприятию культур многих народов. Именно этим объясняется актуальность исследования.

Для достижения указанной цели исследования необходимо было решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть лексические и синтаксические средства репрезентации темпоральности в чувашском языке; во-вторых, проанализировать случаи представления временной семантики в фразеологических и паремииологических конструкциях; в-третьих, показать, что представления о времени являются национально-специфичными и в некоторых случаях уникальными.

В качестве методов исследования в данной работе послужили: метод семантического анализа языковых единиц – для определения лексических значений рассматриваемых единиц, этнолингвистический анализ – для представления народной культуры в контексте других знаковых систем, описательный – для представления материала исследования.

Основным источником иллюстративных примеров послужили словари: Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки. Казань – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928-1950. Вып. I-XVII; Федоров Г. И. Толковый словарь фразеологизмов чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016-2017. Т. 1-2, а также произведения чувашских писателей: Уяр Ф. Е. Таната. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1994; Емельянов А. В. Катĕлнĕ уйăх. Калавсем. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1968; Лисина Е. Н. Çăкăр чĕлли: повесемпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1994.

Теоретической базой нашего исследования явились работы, посвященные разным аспектам изучения темпоральности чувашского языка (Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. Т. 1; Сергеев, 1992), монографии Л. В. Борисовой (2020; 2021), где проводится комплексное исследование лексической семантики чувашского языка в контексте этнической культуры, а также приводится экстралингвистический материал, отражающий обычаи, обряды, ритуалы чувашского этноса.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания лингвокультурологии, этнографии, этнолингвистики, этнопсихологии, а также для разработки спецкурсов и спецсеминаров по региональной лингвистике.

Обсуждение и результаты

В настоящее время изучение категории темпоральности является актуальным и для лингвистической философии, и для языкознания в целом (Шуваева, 2005; Ханджани, 2015). В чувашском языкознании время может быть выражено традиционными и нетрадиционными средствами его репрезентации. К данной группе лексики в том или ином аспекте обращались следующие исследователи: В. Г. Егоров (1954), В. И. Сергеев (1992), М. Р. Федотов (1996). Всестороннему анализу эта тема подвергалась в кандидатской диссертации чувашского исследователя Т. Б. Ульяновой, которая провела семантический анализ лексем с темпоральным значением в чувашском, татарском и русском языках. Автор выявила общие и специфические черты смысловых структур проанализированных единиц, провела классификацию по тематическим и смысловым группам, исследовала лексико-семантические, словообразовательные и словоизменительные особенности темпоральной лексики в трех языках (Ульянова, 2007). Особо следует обратить внимание на двухтомный толковый словарь фразеологизмов чувашского языка, который содержит богатый эмпирический материал, иллюстрирующий национально-специфические особенности темпоральной лексики в чувашском языке (Федоров, 2016-2017, т. 1-2).

Лингвистическая категория времени представляет собой совокупность способов репрезентации средствами языка физического и философского аспектов данной проблемы. Средства выражения времени делятся на грамматические и неграмматические.

Лексические средства выражения времени. Наряду с грамматикой, в которой особое значение имеют видо-временные формы глагола, в различных текстах и в литературно-художественных произведениях большую роль играют лексические средства, которые служат для репрезентации времени. Общая текстовая функция этих слов – указание на время действия изображаемых событий – является основанием для их объединения в одну функционально-текстовую парадигму слов. Лексическую основу текстового времени составляют слова: *văxât* «время», *самана* «эпоха»; названия времен года (*сулла* «лето», *хĕлле* «зима», *кĕркунне* «осень», *суркунне* «весна»); названия месяцев (*кăрлач* «январь», *нарăс* «февраль», *пуш* «март», *ака* «апрель»); дней недели (*тунти кун* «понедельник», *ытлари кун* «вторник», *юн кун* «среда», *кĕшнерни кун* «четверг», *эрне кун* «пятница», *шăмат кун* «суббота», *вырсарни кун* «воскресенье»); времени суток (*ир* «утро», *кăнтăрла* «днем», *каç* «вечер, ночь»); слова, обозначающие время, и единицы измерения (*минут* «минута», *çеккунт* «секунда», *ёнер* «вчера», *паян* «сегодня», *самант* «мгновение», *тапхăр* «отрезок времени»); названия периодов жизни человека (*ачалăх* «детство», *яшлăх* «юность», *ватлăх* «старость») (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – Г. С., Н. Я.). Именно эта лексика в первую очередь формирует темпоральное пространство любого художественного текста.

Универсальными средствами выражения времени являются одиночные наречия *паян* «сегодня», *ёнер* «вчера», *ыран* «завтра», *кайран* «затем», *кĕçĕр* «нынче», *каçал* «в этом году», *тинех* «наконец-то», *тĕрех* «сразу», *паçăр(ах)* «давче», *пăртакран* «чуть погода», *кайшахран* «через некоторое время», *ирхине* «утречком», *иртенпех* «с самого утра», *ялан(ах)* «всегда», *яланлăха* «навсегда», *кăнтăрла* «в полдень», *калпех* «вновь». Временная семантика может передаваться при помощи многочисленных наречных образований: *хăсан та пулин* «когда-либо», *сайра-хутра* «изредка», *хутран-ситрен* «изредка, то и дело», *кунĕн-çĕрĕн* «и днем и ночью», *çав вăхăтра* «в то время», *кĕç-вĕç* «вот-вот, прямо сейчас», *кĕтмен-çĕртен* «нежданно-негаданно», *нихăсан та* «никогда», *văxât-văxât* «время от времени», *văxăтран văxât* «временами». Эти единицы называются индикаторами временных значений. Они могут быть выражены числительными, сочетаниями количественных и порядковых

числительных с имена существительными: *вуникĕ хут чан çап* «позвонить в колокол двенадцать раз», *икĕ ёмĕр пурнас нек* «словно хочет прожить две жизни», *вун пилĕк кирпĕч шутлаттар* «заключить в тюрьму» (досл. «за-ставить посчитать двенадцать кирпичей»), *виç кун апат çимен* «три дня не ел».

Синтаксические конструкции выражения времени. Темпоральность в чувашском языке в основном выражается сложноподчиненным предложением с придаточным времени с союзом *хăçан* «когда». Сложноподчиненное предложение – синтаксическая единица, состоящая из главной и зависимой частей. Зависимая часть, часто функционирующая в качестве обстоятельственного придаточного предложения, отображает временную связь между ситуациями. Обстоятельство времени выполняет функцию темпоральной локализации действия на временной оси повествования. В сложноподчиненных предложениях с придаточной частью времени выражаются различные виды отношений: действие главной части совпадает с действием придаточной (отношения одновременности) или предшествует ему, или следует за ним (отношения разновременности). В чувашском языке к подобным средствам выражения времени относятся послелогои *чух* (*чухне*) «когда», *хыççан* «после того как», *çĕре* «к тому времени», *умĕн* «перед тем как», *тĕле* (*тĕлелле*) «к тому времени как», *май* (*майăн*) «по мере того как, в ходе», *вара* «с тех пор как», *хута* (*хутах*) «с тех пор как», *яхăн* «около», *каса* (*каçипе*) «в течение ночи», *пуçне* «кроме», *умĕн* «перед тем как», *пуçласа* «с, начиная»: *Ача чух темĕн çинчен те ёмĕтленеттĕмĕр* (здесь и далее, если не указано иное, примеры составлены авторами статьи. – Г. С., Н. Я.). / «В детстве мечтали о многом»; *Çумăр хыççан тўпĕре асамат кĕперĕ курăнса кайрĕ.* / «После дождя на небе появилась радуга»; *Каç пулнă тĕлелле.* / «К вечеру»; *Сăмах майăн сĕнĕ шухăшсем суралаççĕ.* / «В ходе разговора рождаются новые мысли»; *Çĕр каçа урама юр темĕн чухлĕ суса лартнă.* / «В течение ночи на улице много снега выпало»; *Хĕвел анас умĕн утта капана хурса пĕтертĕмĕр.* / «Перед закатом солнца (перед тем как солнце село) сено заложили в копны»; *Çак кăмпа та сĕт кăмпи тухнă вырăнсенчех тухать. Июльтен пуçласа октябрьченех.* / «Эти так называемые молочные грибы появляются в этих же местах. С июля месяца вплоть до октября»; *Ивук та сывăрмарĕ вăл каç. Вырсарни куна яла таврăннăскер, çĕр хутах кантура тухса утрĕ* (Уяр, 1994, с. 171). / «В эту ночь Ивук тоже не спал. Приехав в воскресенье в деревню, несмотря на ночь, отправился в контору». В следующих трех предложениях с придаточным времени с разными послелогоми можно наблюдать некоторые особенности представления темпорального значения. Это особенно заметно при переводе этих примеров на русский язык: *Эпĕ ёшнене çитнĕ çĕре халăх пуçтарăннăччĕ ёнтĕ* (Емельянов, 1968, с. 38). / «К тому времени, как я подъехал к поляне, народ уже был в сборе»; *Çумăр çăвас умĕн шăна-пăван хытă тапăнат.* / «Накануне дождя насекомые особенно нападают»; *Çумăр çунă хыççан калчасем паркаланса кайрĕç.* / «После дождя посева зазеленели»; *Ленăпа паллашнă хыççан эрнерен пĕр каçхине Хĕветура чие татса пуçтарчĕ* (Лисина, 1994, с. 219). / «Через неделю как-то вечером после знакомства с Леной Федора собрала вишню». В последнем предложении можно заметить три номинатора времени: а) *после знакомства с Леной*, б) *через неделю*, в) *как-то вечером*. Так, и в следующих примерах благодаря сложноподчиненному предложению с придаточным предложением с союзами *хыççан*, *чух* мы идентифицируем время: *Аллă виçĕ сул шăп та шай пĕрле пурăнса ирттернĕ хыççан çав старике тем пулнă.* / «После пятидесяти трех лет совместной жизни что-то случилось с этим стариком». Здесь налицо причинно-следственная связь между двумя действиями.

При отношении одновременности действия происходят в пределах одного и того же временного отрезка: *Çумăр çунă чух кайăксем юрламаççĕ.* / «Во время дождя птицы перестают петь». Таким образом, при разновременности одно действие предшествует другому действию или следует за ним. Исходя из этого, в тюркских языках принято выделять «прерываемое предшествование» и «непрерываемое предшествование» (Грамматика азербайджанского языка, 1971, с. 391). Напрашивается вывод о том, что союзы темпоральной семантики могут быть представлены как инвариантная система, элементы которой наделены способностью не только конкретизировать, но и модифицировать и специфицировать временную семантику высказывания.

Нестандартные средства репрезентации времени – это средства выражения темпоральности, лежащие вне границ грамматической категории времени, представленной фиксированным противопоставлением форм настоящего, прошедшего и будущего времени в их различных аспектах. К ним относятся метафорические и узуальные средства репрезентации времени. Так, например, употребление повторных конструкций в тексте может иметь разное временное значение. Интерес представляют сложноподчиненные предложения, в которых сказуемое придаточного предложения выражено причастием с удвоенной формой (первый компонент – в утвердительной, второй – в отрицательной формах). Между предикативными частями в таких примерах всегда устанавливается временное отношение. Данный тезис подтверждается следующими примерами: *Урок пĕтнĕ-пĕтмен эфир пристане ёç шыраса тухса чупаттăмăр.* / «Как только заканчивались уроки, мы сразу бежали на пристань в поисках работы»; *Юр ирĕлнĕ-ирĕлменех вăл арçын ачасемпе пĕрле кăчкăллă турат хусма чупать, çăра курăкпа витĕннĕ сăрт çамкинче мĕчĕке вылят.* / «Как только растает снег, он вместе с мальчишками бежит ломать вербу, играть в мяч на косогоре, покрытом густой травой».

Фразеологический и паремиологический фонд чувашского языка (Семенова, Якимова, 2022; Сорокина, Якимова, 2016), дает возможность убедиться в универсальности и самобытности используемых фразеологических единиц с темпоральным значением. Отличие в основном проявляется в иной категоризации выражаемых понятий и различении их смысловых особенностей.

Фразеологизмы темпоральной семантики чувашского языка. Семантика фразеологических единиц связана с временной характеристикой протекания действия, события, факта. Время в представлении носителей чувашского языка наделяется многими свойствами и качествами.

1. **Быстротечность и неуловимость времени** могут быть выражены в сравнении с движением тех или иных частей тела человека. Оно (время) может *идти*, *бежать*, *мчаться*, его может *не хватать*, оно мгновенно,

как например: *вӑхӑт чупать* «время бежит», *вӑхӑт шӑвать* «время ползет», *ёнсе хысма вӑхӑт сук* (досл. «нет времени даже затылок почесать»), *кут хысма та вӑхӑт сук* (досл. «нет времени почесать даже задницу»), *кус хупса иличчен* «очень быстро» (досл. «не успев моргнуть»), *тип аса нек килсе ситрӗ* «появился неожиданно-негаданно» (досл. «появился как гром среди ясного неба»), *тӗлӗк нек иртсе кай* «быстро и бесповоротно» (досл. «пронестись словно во сне»), *хӳрине кӑна кӑтартса хӑварчӗ, хӳри кӑна тӑрса юлчӗ* «очень быстро» (досл. «только кончик хвоста показал, хвостик лишь остался»).

2. Некоторые фразеологизмы чувашского языка весьма образно иллюстрируют значение «это никогда не случится»: *автан сӑмарта тусан* (досл. «когда петух начнет нести яйца»), *сысна кашта сине ларсан* (досл. «когда свинья сядет на насест»), *хӗвел анӑсран тухсан* (досл. «когда солнце взойдет с запада»), *ампар айӑнчен хӗвел тухсан* (досл. «когда солнце взойдет из-под амбара»), *пӗлтӗрхи юр ирӗлсен* (досл. «когда растает прошлогодний снег»), *кӑмака сӑнче чӑрӑш итсан* (досл. «когда на печке вырастет ель»).

3. В чувашском языке можно выделить группу фразеологизмов (Якимова, 2014), в которых семантический компонент «время» является неосновным, т. е. происходит **частичная десемантизация**: *ватӑ йиши, сӗлен эрни* «бабье лето», *ватӑ ялсем килчӗс* «обеденное время наступило», *пицен кутне пӑр ларнӑ* «недалеко до зимы», *салтак ячӗ тухнӑ* «пришло время идти в солдаты», *качча каяс вӑхӑт ситнӗ* «наступила пора замужества». В чувашской лингвокультуре присутствует название промежутка времени «хорачон эрни» (лит. *хура чун эрни*), для которого имеются и другие названия, характеризующие данную пору в календарном году: *усал-тӗсел эрни* (досл. «нечистая неделя»), *куштан эрни, шуйттан эрни* (досл. «чертова неделя»). Согласно описанию автора, в это время все животные, птицы прячутся в свои норы, в снег, туда, куда только можно спрятаться. Самочувствие человека ухудшается, бодрость отсутствует, на человека нападает хандра (Ерагин, 2020, с. 4). Далее автором подчеркивается, что приведенное название синонимично названиям *хура сын* «чужой человек», *хура шухӑш* «мрачные думы», *хора тӑм* «весенний сильный заморозок», *хора тӑшман* «злой, непримиримый враг», *хора юн* «злоба, злобный человек», *хора чир* «черная немочь, проказа» (Ерагин, 2020, с. 17).

4. Темпоральный код культуры проявляется и во фразеологических единицах, обозначающих **весьма пожилой возраст человека**. В чувашском языке есть группа фразеологизмов с временным значением «очень долго прожить, вплоть до смерти»: *Юлашки сывӑш тухиччен* (Федоров, 2017, т. 2, с. 184). / «До последнего вздоха»; *Вилӗм итӑкӗ умне сит* (Федоров, 2016, т. 1, с. 113). / «Доживи до могильного холма»; *Алӑк хӑлӑнне тӑтайми пуличчен* (Федоров, 2016, т. 1, с. 54). / «Дожить до того момента, когда невозможно будет взяться за ручку двери»; *Тӑван аннӑне паллами пуличчен* (Федоров, 2017, т. 2, с. 49). / «Когда невозможно будет узнавать родную мать»; *Кушак хулине каймалли анчах юнӑ* (Федоров, 2016, т. 1, с. 193). / «Осталось только отправиться в кошачий город»; *Сӑпатана кутӑн сыриччен* (Федоров, 2017, т. 2, с. 20). / «Когда лапти невозможно будет правильно обуть» (в данных примерах – указание на старость, исход жизни, преклонные годы). Для носителя чувашского языка это представление является достаточно типичным.

5. **Ранний или младенческий возраст** репрезентируется следующими фразеологизмами со значением «еще не дорос, очень молод»: *амӑш кипкинчен тухайман* (досл. «не вышел еще из пеленок матери»), *катӑк йӗмрен тухайман* (досл. «не вышел еще из рваной, дырявой штанины»), *сӑмса айӑнчи типмен-ха* (досл. «под носом еще не обсохло»), *сӑмси те юлма пӑрахман* (досл. «еще не перестало течь из-под носа»), *каска пуканӗ сӗллӗш ӳсмен* (досл. «еще не дорос до высоты чурбана»), *йӗке тӑршиӗ ӳсмен* (досл. «еще не дорос до веретена»), *чике тӑршиӗ ӳсмен* (досл. «еще не дорос до локтя ‘мера длины’»). Фразеологизмы данной группировки отражают эмоционально-окрашенные временные характеристики процесса, действия.

6. Для обозначения временного значения также могут быть использованы **фразеологизмы с именами исторических личностей**, где отражается культурная картина времени, представляющая свернутую историческую панораму, охватывающую различные культурные слои эпохи. Иногда автор специально ничего не говорит о времени, но события в сюжете могут следовать друг за другом или предшествовать друг другу, или выстраиваться так, что читатель способен определить время в том или ином тексте. Например: *Адамран пусласа* (Федоров, 2016, т. 1, с. 33). / «Со времен Адама»; *Чар Иван чухнехи* (Федоров, 2017, т. 2, с. 125). / «Со времен царя Ивана»; *Салтака кайиччен тӳрленет* (Федоров, 2016, т. 1, с. 252). / «До призыва в армию заживет»; *Авланиччен тӳрленет* (Федоров, 2016, т. 1, с. 32). / «До женитьбы заживет»; *Качча кайиччен тӳрленет* (Федоров, 2016, т. 1, с. 158). / «До замужества заживет» или «До свадьбы заживет». Указание на временное значение содержит и поговорка *Улатимӗр ханпи айӑнчен тухмасӑр апат ан тирке* (Федоров, 2017, т. 2, с. 84). / «Покуда под Владимирскими воротами не прошел, не хай еду» (близкое по смыслу «молоко на губах не обсохло»). Чувашская поговорка сложилась, очевидно, в период политического могущества и культурного расцвета Владимиро-Суздальского княжества во второй половине XII – в третьей четверти XIII века. *Пурнан пурнӑсра Сӗпӗре те ситсе куран*. / «Судьба может занести и в Сибирь»; *Тавӑру сехечӗ виӗ сывӑк виӗсет те сич сывӑка ситет*. / «Месть отсчитывает три поколения, да доходит до седьмого»; *Сӗпӗре ситме сичӗ сӑпата кирлӗ*. / «Чтобы дойти до Сибири, нужно семь пар лаптей»; *Ситмӗл сичӗ туратран хурӑнташ* (Федоров, 2016, т. 1). / «Седьмая вода на киселе» (досл. «родственник в семьдесят седьмом колене»).

Таким образом, понятие «время» и его репрезентация на фразеологическом уровне позволяют исследователю сделать вывод о том, что представление времени в чувашском языке является национально-специфичным и в некоторых случаях уникальным.

Заключение

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Лексические средства выражения времени могут быть представлены сочетаниями существительных и количественных или порядковых числительных, а также многочисленными наречными выражениями.

2. Временная связь между ситуациями в большинстве случаев выражается синтаксическими конструкциями. В чувашском языке основными индикаторами времени являются послелоги *чух* (*чухне*) «когда», *хыççăн* «после того как», *умĕн* «перед тем как», *тĕле* (*тĕлелле*) «к тому времени как», *май* (*майĕн*) «по мере того как, в ходе», *вара* «с тех пор как», *яхăн* «около», *каçа*, *каçине* «в течение ночи», *пуçне* «кроме», *умĕн* «перед тем как». Послелоги темпоральной семантики позволяют не только конкретизировать, но и модифицировать и специфицировать временную семантику лексемы в высказывании.

3. К лексическим средствам репрезентации времени относится фразеологический и паремиологический фонд языка, где семантика рассматриваемых единиц связана со значением временной характеристики протекания действия, события, факта. Нами выделено 6 групп фразеологических единиц темпоральной семантики: 1) со значением быстротечности и неуловимости времени; 2) со значением «это никогда не случится»; 3) с частичной десемантизацией компонента; 4) с обозначением весьма пожилого возраста человека; 5) с репрезентацией раннего или младенческого возраста; 6) с именами исторических личностей. Последняя группа представляет особый интерес, так как значение времени в этих примерах является неосновным, т. е. происходит частичная десемантизация, в результате чего в них может быть выражена целая историческая эпоха.

Перспективы исследования заключаются в изучении категории видо-временных отношений в чувашском языкознании и освещении их в дальнейших работах, посвященных грамматическим категориям аспектуальности и таксиса. Это создаст возможность для последующего рассмотрения проблем темпоральности на материале тюркских языков в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Источники | References

1. Борисова Л. В. Чувашская языковая картина мира: подступы к реконструкции и исследованию. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021.
2. Борисова Л. В. Язык в этнокультурном пространстве. Чебоксары: Новое время, 2020.
3. Грамматика азербайджанского языка / под общ. ред. М. Ш. Ширалиева и Э. В. Севортьяна. Баку: ЭЛМ, 1971.
4. Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары: Чувашкинигоиздат, 1954. Ч. 1.
5. Ерагин Е. Е. Чăваш йăли-йĕрки: хорачон эрни. Шупашкар: Çĕнĕ Вăхăт, 2020.
6. Семенова Г. Н., Якимова Н. И. Феномен репрезентации обобщенного субъекта пословиц и поговорок в чувашском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 8.
7. Сергеев В. И. Современный чувашский язык. Морфология: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992.
8. Сорокина О. В., Якимова Н. И. Паремия с компонентом модальности в чувашском и турецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-4 (66).
9. Ульянова Т. Б. Лексико-семантические способы выражения категории времени в чувашском, татарском и русском языках: автореф. дисс.. к. филол. н. Чебоксары, 2007.
10. Ханджани Л. Функционально-семантическое поле темпоральности в русском и персидском языках // Современная филология: мат. IV междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2015.
11. Шуваева Н. В. Взаимодействие грамматических и лексических средств выражения темпоральности в современном русском языке: автореф. дисс.. к. филол. н. Тамбов, 2005.
12. Якимова Н. И. Некоторые подходы изучения фразеологии по тематическим и семантическим полям // Ашмаринские чтения: сб. мат. IX междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014.

Информация об авторах | Author information

Семенова Галина Николаевна¹, д. филол. н., доц.
Данилов Андрей Анатольевич², д. ист. н., доц.
Якимова Надежда Ивановна³, к. филол. н., доц.
Скворцова Наталья Рудольфовна⁴

^{1, 2, 3, 4} Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Semenova Galina Nikolaevna¹, Dr
Danilov Andrey Anatolyevich², Dr
Yakimova Nadezhda Ivanovna³, PhD
Skvortsova Natalia Rudolfovna⁴

^{1, 2, 3, 4} Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

¹ gncemenova@yandex.ru, ² danilov.andrey@mail.ru, ³ yakimovanadya@yandex.ru, ⁴ tasha2283@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.09.2023; опубликовано online (published online): 23.10.2023.

Ключевые слова (keywords): лингвистическое время; категория темпоральности; грамматическое глагольное время; динамическая картина мира; временной индикатор; linguistic time; category of temporality; grammatical verb tense; dynamic worldview; temporal indicator.